

Лишь древо жизни вечно зеленеет

На самом углу улиц Пастера и Конной одиноко стоит высокий дуб. Еще совсем недавно ряды деревьев с двух сторон обрамляли великолепное здание Украинского театра. Сегодня на их месте парковочные "карманы". А красавец дуб остался. К счастью, он избежал трагической судьбы собратьев, следы которых навсегда скрыты под тротуарной плиткой. Весной и летом он радует глаз густой сочной зеленой кроной, осенью — червонным золотом листвы. И даже зимой, когда его ветки оголены, они притягивают внимание причудливостью линий.

Дуб этот особенный. Издавна под его сенью собирались люди театра. Обычно после окончания дневной репетиции, не спеша расставаться, они обменивались новостями и слухами, делились впечатлениями, рассказывали анекдоты. Примечательно, что дуб неведомой силой привлекал не только работников Украинского театра. Повинуясь какой-то неведомой силе, под его сенью собирались многочисленные гастролеры, которые работали в Одессе в летние месяцы. Я видел беседующих под "нашим" дубом Олега Ефремова и Юрия Завадского, Анатолия Эфроса и Игоря Владимировича, Марка Захарова и Андрея Гончарова, Аркадия Каца и Сергея Данченко...

И еще я помню зрителей, которые не спешили расходиться после понравившегося спектакля и, несмотря на позднее время, останавливались возле того же могучего дерева: одни — для того чтобы обменяться впечатлениями со знакомыми, другие — чтобы увидеть без грима любимых актеров, выходящих из театра. Как интересно было ловить обрывки фраз, содержащих оценку спектакля в целом или отдельных актерских работ! Это был важный индикатор реакции зрителя на то, что только что происходило в театре. Иногда невольно подслушанная фраза побуждала к неожиданным размышлениям об увиденном.

Сейчас эта многолетняя традиция исчезла. Очевидно, более напряженный ритм жизни не позволяет растрачивать драгоценное время на разговоры. Работники Украинского театра деловито спешат к служебному ходу и, спустившись по нескольким ступенькам, быстро исчезают в проеме дверей. Что касается гастролеров, то стационарные театры перестали приезжать к нам. А коммерческие антрепризы ограничиваются однодневным визитом с одним спектаклем. Все рассчитано до минуты. Какие там разговорчики под деревом!.. И выходя из театра, зрители, не задержи-

ваясь, направляются к своим автомобилям или на автобусную остановку, чтобы побыстрее добраться домой.

Ностальгия по прошедшим годам, по-видимому, вещь неуместная. Конечно, приятно вспоминать о том, что еще недавно было сердцу мило. Но вернуться в свое вчера мы не можем. Да и нужно ли это? Мы живем в другую эпоху, у которой иные ритмы, иные темпы. Иные правила игры в изменившейся жизни. А может быть — не иные, а придуманные нами самими? Просто зачастую многие из нас стремятся вольно или невольно приспособиться под мораль того, что называется "обществом потребления", и становясь конформистами, принимать (прощать) примитивную культуру этого общества. Может быть, мы, привыкая к жесткости, бездушию, примитивности и откровенной пошлости в нашей повседневности, спокойно воспринимаем воспроизведение всего этого на театральных подмостках?

Видя наше нежелание размышлять, сопереживать, негодовать, театр идет нам на встречу, подсовывая спектакли, которые по уровню режиссуры и актерской игры не располагают к этому. Театр начинает не учить, не помогать, не волновать, а обслуживать. Эта тенденция находит откровенное отражение в рекламе спектаклей, особенно антрепризных. "Шоковый", "потрясающий", "звездный" — чего только не ваяют рекламодатели в афишах и видеороликах! А совсем недавно я услышал по радио, что одесситов ожидает встреча с новым спектаклем "от Романа Виктюка". Ну совсем как костюмы от Кардена или духи от Шанель...

Среднее и старшее поколение театралов — счастливые люди. Их вкусы были воспитаны тогда, когда была возможность видеть спектакли разных театров, накапливать впечатления, сравнивать режиссерские прочтения и актерские интерпретации. Даже не выезжая из Одессы, в летнее время они имели возможность видеть у себя лучшие столичные и провинциальные театральные коллективы. Цены на билеты были доступными — проблема была лишь в том, чтобы их доставать. Театральное искусство достаточно активно популяризировало телевидение, транслировавшее лучшие спектакли отечественных коллективов. Все это формировало театральные вкусы.

Кроме того, и в столицах, и у нас существовала авторитетная, а главное — профессиональная критика, отсутствие которой сегодня приводит не только к вседозволенности, но и к оправданию откровенной безграмотности постановщиков. Слова создателя спектакля: "Я так вижу", — вовсе не означают, что у него единственно верный взгляд на проблемы и характеры, заложенные в драматургии. Смешно и грустно, когда задолго до

премьер режиссеры — это, в основном, касается приглашенных режиссеров — проводят пресс-конференции, на которых рассказывают журналистам о своем будущем спектакле как о театральном событии. Мне кажется, что до выхода нового спектакля о нем вообще нельзя рассуждать. Работа должна говорить сама за себя.

Отсутствие качественной современной драматургии театр во все времена стремился восполнить постановками классики. Происходит это и сейчас. Такое стремление благородно и оправдано, когда создатели спектакля проявляют бережность к первоисточнику, к авторским идеям и авторскому стилю, когда проявлены все темы пьесы, определены те или иные смысловые акценты, которые кажутся постановщику важными сегодня. Увы, к сожалению, сегодня сплошь и рядом мы видим или примитивную адаптацию классики — рассчитанные на непритязательную публику комиксы на классические темы, или явное искажение авторской мысли, лишаящее постановку всякого смысла, или просто полную беспомощность режиссера, который не в силах справиться с могучей драматургией и плывет "по воле волн".

И тут возникает еще одна опасность. Магия театрального искусства влечет к себе молодежь. Радостно, приходя в театральные залы, видеть в них совсем молодых людей, которые пришли сюда не из-за практиковавшегося в былые годы навязанного "коллективного посещения", а потому что заинтересовались спектаклем. Их театральный багаж очень мал. К сожалению, они мало читают. И поэтому есть реальная опасность, что, увидев театральный спектакль, скажем, по Шекспиру или Стендалю, Брехту или Чехову, которых постановщик перекроил на свой лад, они или отвернутся от театра, или привыкнут воспринимать классиков чересчур упрощенно, не осознав той глубины, которая заложена в их произведениях.

Театр — это школа культуры, которая начинается с культуры языка и сценического поведения. К сожалению, неправильная речь постоянно режет слух, убеждая нас в том, что над сценическим словом в театрах никто не работает. А ведь во все времена сценическая речь была эталоном для зрителей. До смешного доходит сценическое поведение некоторых актеров, которые не отдают себе отчет в том, в какую эпоху происходит действие пьесы. И тут трудно провести грань между манерой поведения, скажем, дворянина XIX столетия и современным парнем из дискотеки. А если так, о каком слиянии личности актера с персонажем, на котором настаивал В.И. Немирович-Данченко как на определяющем моменте в создании убедительного художественного образа, мы можем говорить!..

Поражает равнодушие, а порой и открыто враждебное отношение современных постановщиков к традициям. Переиначить то, что складывалось годами, — это пожалуйста, хотя порой за новой трактовкой не прослеживаются ни мысль, ни цель. Безусловно, современный художник имеет право на свое видение классики. Опыты Мейерхольда, Курбаса, Грановского и других великих режиссеров вошли в историю как яркие примеры театрального новаторства. Но когда в угоду режиссерскому замыслу искажается гениальная драматургия, — это преступление против классики. Иногда возникает ощущение, что псевдоновации появляются из-за того, что постановщики просто не могут совладать с материалом, им не под силу поставить спектакль в традициях отечественного театра — отсюда и трюкачество.

Театральное искусство сегодня во многом разрушается из-за отсутствия крупных художественных лидеров, болеющих за дело, лидеров, которые во все времена были строителями своих театров. Одаренных актеров, прежде всего, молодых, уже убедительно проявивших себя, сегодня немало, в том числе и в Одессе. А сколько еще есть "непроявленных"! Театральная практика знает множество случаев, когда открытие крупного актера происходило не в его ранней молодости, а после того как он не один десяток лет исполнял роли второго плана. Без режиссера — художественного лидера, который увидит в актере яркую индивидуальность, открытие не произойдет.

А режиссеры, обладающие определенным уровнем профессионализма, в наше время не спешат возглавлять театры.хлопотное, а главное — неприбыльное это дело. Куда лучше при сегодняшнем дефиците грамотных специалистов быть постоянно приглашаемыми на отдельные постановки, зачастую тиражируя свои спектакли в разных городах. Увы, Одесса не стала исключением в этом отношении. В стране уже сложились постановочные бригады, в составе которых кроме режиссеров — сценографы, композиторы, балетмейстеры. Они кочуют по просторам СНГ, в короткий срок ставят один из предложенных дирекции того или иного театра спектакль — и дальше, в путь.

Однако не будем спешить упрекать постановщиков-варягов, ибо во многом образ их творческой жизни определяют экономические условия. Уж слишком мизерна зарплата режиссера, как и других театральных деятелей, работающих в стационарных театрах. Практически нет никаких социальных гарантий, которые могли бы удержать человека на месте. Вряд ли художник, знающий себе цену, согласится годами прозябать в общежи-

тии, получать очень скромную зарплату, если у него есть возможность зарабатывать намного больше, постоянно выезжая на постановки.

Проблемы театральные — а то, о чем мы говорим, лишь малая часть их — с течением времени у нас не только не решаются, но и усугубляются. В некоторых постсоветских странах, например, в Латвии, и в некоторых областях России это уже осознали и стремятся повысить материальный статус работника театра, думают о возможностях доплат, о предоставлении жилья. И одновременно повышают уровень требовательности к театру как общественному институту. Это, естественно, отражается на качестве спектаклей. В Украине и, в частности, в Одессе этого нет. Трагический парадокс нашего времени — нет никаких цензурных запретов на драматургию, есть желание публики посещать театр — а создать систему качественной работы репертуарных театров некому.

Театр бессмертен, как человеческая душа. Он существует столько, сколько существует самоосознавшее себя человечество. Сколько раз в его тысячелетней истории говорили о кризисе, предрекали ему гибель, но те, кто это делал, умирали, в театр оставался жив. Он — своеобразное древо жизни, которое вечно зеленеет.

Менялись театральные эстетики, формы, стили, отношение к театральному делу. Мне кажется, что сегодня, как и в конце XIX — начале XX веков, мы стоим на рубеже, за которым рождение нового театра, который возьмет лучшее из прошлого и предложит зрителю новые формы сценической выразительности. Конечно, это произойдет не сразу. Но и сейчас, не дожидаясь каких бы то ни было революционных изменений в театральном деле, можно сделать очень многое, чтобы вернуть театру его авторитет и силу воздействия на людей. Сделать это могут сообщество и государственные, и коммерческие структуры, и сами художники театра. Нужны воля и тех, кто руководит страной, и тех, кто трудится в театрах, их видение, их инициатива, их понимание социальной важности театрального искусства. Здесь здоровый прагматизм должен органично сочетаться с высокой культурой и профессионализмом тех, кто посвятил себя искусству сцены.

В гениальной эпопее Льва Толстого "Война и мир" есть сцена, когда Андрей Болконский проезжает мимо дуба, который еще вчера казался ему засохшим, а теперь поразил воображение героя пробудившейся зеленой листвой. Наш театральный дуб на углу шумных улиц Пастера и Конной, безусловно, расцветет весной. Он — сильный, могучий... Хотелось бы, чтобы столь же сильным и плодоносным было древо наших театров, в плодах которых мы все так нуждаемся.